

причем называются пары ст.-слав. грав(р)ъ—γράβιον, ст.-слав. веселъ—*Veselia*, ст.-слав. тръгъ—*Tergeste, Opi-tergium*. Автора можно упрекнуть в определенной неполноте информации. Так, приводя пару веселъ—иллир. *Veselia*, он, конечно, имеет в виду знаменитую этимологию, основанную на истолковании эпиграфического контекста *Veselia felicitas* и восходящую еще к Будимиру. Но нельзя упускать из виду, что другой югославский ученый — Катичич в недавнее время подверг серьезной критике иллирийскую принадлежность имени *Veselia*, убедительно представив его как один из вариантов имени бесспорно латинского происхождения. Учитывая наше слишком одностороннее и крайне неполное знание иллирийского языка, почти ограничивающееся ономастикой (топонимия, антропонимия), можно, тем не менее, выразить надежду, что как раз ономастический аспект иллирийско-славянских соприкосновений и взаимодействий (причем, возможно, не только на территории Югославии) имеет определенные перспективы развития в науке. Возможно, это принесет новые данные о древнем ареале иллирийского языка через его отражения в славянской топонимии.

Курилович суммарно излагает сведения об иранско-славянских языковых отношениях, однако он сообщает при этом отдельные новые наблюдения, представляющие высокий интерес в этимологическом отношении. Например, славянскую основу *kostjun-* 'мирской, связанный с профанацией' (ср. *кощунство*) он понимает оригинально как кальку иранского слова *astvant-* 'бренный, преходящий, материальный', производного от ир. *ast-* 'кость'.

Исследователей проблем праславянской лексической реконструкции заинтересуют наблюдения Курашкевича (стр. 536—537), который полагает, что, помимо **kъnežь*, праславянскими можно считать его производные **kъnežь*, **kъnežitjь*, **kъnežyni*, **kъnežьna*, до сих пор представленные в польских словах *ksiądz*, *książe*, *księżyc*, *księżyni*, *księżna*.

В порядке критики можно было бы заметить, что, например, в статье о Киеве (стр. 406) не дается, в отличие от других подобных статей, обзор этимологии этого древнего названия. Сближение одного из древних названий Киева — *Sambatas* — с армянским именем собственным личным *Smbat*, приводимое Ловмянским (стр. 407), ошибочно, так как еще Ильинский правильно понял, что форма *Σαμβατάς* у Константина Багрянородного отражает слав. **sq-vodь* 'слияние воды'. В дополнение к тому, что было сказано в свое время Ильинским, укажу гидроним *Cyuid* (**sq-vodь*), при впадении Десны в Днепр, т. е. вблизи Киева.

О. Н. Трубачев

I. Vahros. Zur Geschichte und Folklore der grossrussischen Sauna (= «Folklore Fellows Communications», vol. LXXXII, № 197). Helsinki, 1966

В наши задачи не входит анализ всей этой обширной монографии, посвященной русской парной бане и ее отражениям в истории и в русском устном народном творчестве. В поле зрения автора находятся и материальная история самой бани, и сведения о бане в древнерусской письменности, и обычаи, обряды, связанные с баней, но имеющие важнейшее значение в быту и нравственном укладе, системе понятий русского народа, в его «модели мира», как сейчас иногда принято говорить. Обширные разделы книги И. Вахроса адресованы к этнографам, фольклористам, литературоведам, поэтому мы не считаем себя вправе судить об их содержании. Однако, чтобы сказать очень коротко в целом обо всей книге, которая, бесспорно, заслуживает внимательного и целостного рассмотрения, отметим богатство привлеченного материала и очевидную тщательность его обработки. Отдельно следует отметить культуру оформления и издания книги, к которой приложены алфавитный перечень слов (стр. 341—346) и предметный указатель (стр. 347—360), облегчающие пользование работой.

Книга Вахроса о великорусской парной бане носит на себе отпечаток традиции финской школы этнографии и этнологии, и она не случайно опубликована в знаменитой серии «Сообщений любителей народного творчества», где в разное время выходили важные труды по этнографии и этнологии различных народов Восточной Европы. С разных точек зрения следует положительно расценивать тот факт, что именно финский ученый взялся за анализ всего комплекса истории, обрядности и терминологии великорусской парной бани, если принять во внимание достижения и широкий сравнительный метод финской школы исследования народной культуры, а также родство соответствующей реалии у великоруссов и, например, у финнов в рамках единого культурного ареала парной бани у народов северной Прибалтики.

И. С. Вахрос — русист-филолог широкого профиля. Однако среди наших читателей он получил известность главным образом как специалист по русской исторической лексикологии. Среди его трудов в этой области, бесспорно, первое место принадлежит книге о названиях обуви в русском языке допетровской эпохи (1959). За короткое время в советской лингвистической печати появились три рецензии на эту работу. Настоящая работа, интересующая нас в этой рецензии в первую очередь, восходит к исследованию автора по этимологии славянских названий парной бани, которое было предložено в качестве доклада на V Международном съезде славистов в Софии и опубликовано в журнале «Scando-Slavica» (т. IX, 1963). В своем предисловии к книге 1966 г. Вахрос рассказывает, что обращение к фольклору, к изучению великорусской свадебной и погребальной обрядности было для него неизбежным средством углубления в проблематику, средством лучшего понимания истории и самой этимологии терминологии бани. Что касается этимологии в собственном смысле слова, ей посвящена в рецензуемой ныне книге сравнительно небольшая, компактная глава III: «Этимологии названий парной бани» (стр. 50—79).

Здесь автор анализирует один за другим соответствующие славянские обозначения, давая широкий этимологический комментарий к великорусской банной лексике. Русск. диал. *лѣзня* (и родственные восточно- и западнославянское обозначения парильни) Вахрос связывает с *лѣзить* только в порядке народной этимологии. По его мнению, первоначально так обозначался не помост, как в более поздних банях, а яма, углубление в земле. Что касается древних источников слова, Вахрос видит их в утраченных формах, родственных лат. *lavare* 'мыть', напоминая читателям, что эта этимология восходит еще к Добровскому. Далее следует всестороннее рассмотрение слова *перть* 'карельский крестьянский дом', др.-руск. *пърть* 'баня', русск. *панерть* — как название части церковного помещения. Своеобразие этого случая состоит в том, что слав. **пърть*, в отличие от предыдущего слова, имеет надежные балтийские соответствия. Кстати, отметим здесь опечатку: в качестве 1 л. ед. ч. верхнелужицкого глагола *prać* дается литовская форма 1 л. ед. ч. *periti* (стр. 55). Прочие балто-славянские сближения автора изложены здесь попутно и довольно бегло. Во всяком случае сомнительно, чтобы близость лит. *klėtis* 'кладовая' и слав. **klěť* могла быть охарактеризована как балто-славянская изоглосса (стр. 58).

После весьма подробного разбора балто-славянских соприкосновений в области обозначений дома, жилища, крытого помещения автор обращается к слову *баня*. Изучение географии форм и значений праслав. **ban'a* в славянских языках приводит, как мы думаем, к постановке вопроса о западнославянском происхождении вторичных значений 'купол', 'пузатый сосуд' в украинском и юго-западных великорусских диалектах, что у Вахроса не получило выражения. Что касается непосредственного источника славянской формы **ban'a*, то мне приятно отметить совпадение взглядов между Вахросом и мной. В своей книге о славянской ремесленной терминологии я также искал источник славянского слова в народнолатинской форме множественного числа **banea*. Маленький методический штрих: Вахрос подает *bāneim*, *bānea* как засвидетельствованную форму, без звездочки, причем основания, которыми автор для этого располагает, он не разъясняет читателю. Что касается

русской диалектной формы *байна*, можно было бы, в отличие от автора, принять здесь мысль об эпентезе *j*, т. е. схематически: *байна* < *банја*.

Суммарному, но разностороннему рассмотрению подвергает Вахрос и слово *изба*. Он, очевидно, прав, солидаризируясь с традиционным объяснением праслав. **jьstьba* как германского заимствования. Некоторые новые работы, имеющие отношение к проблеме (например, публикации Мартынова), Вахросом, однако, здесь не учтены. Еще более кратко автор характеризует собственно русские лексемы *мовня*, *мельня*, др.-русск. *хвостъ*, *веник*.

О. Н. Трубачев

«Славянская лексикография и лексикология».

М., изд-во «Наука», 1966

Сборник включает пять словарей, представляющих диалектную лексику некоторых восточно- и южнославянских языков, материалы словаря старославянского языка и два небольших исследования лексикологического характера. В аннотации, предпосланной сборнику, и в предисловиях к словарям определяются характер лексикографических работ, задачи, принципы отбора материала, круг использованных источников и т. д.

Обширные лексикографические материалы, содержащиеся в сборнике, заслуживают самого серьезного внимания, поскольку они расширяют и углубляют наши представления о словарном составе отдельных диалектов. Всестороннее и тщательное обследование диалектной лексики позволит представить во всей полноте словарный состав славянских языков, возможные семантические изменения и ареалы распространения лексем по славянской территории.

Словари построены по разным принципам. Словари северной Житомирщины, одного из говоров юго-восточной Болгарии, некоторых архангельских говоров являются словарями дифференциального типа. За основу дифференциации в них принимается литературный язык (украинский, болгарский) или список слов, зафиксированный в свое время А. И. Подвысоцким на территории Архангельской губ. В эти словари вошли слова, отсутствующие в указанных источниках, различные фонетические, морфологические варианты литературных слов, а также слова с другими значениями.

Бойковский и резьянский словари — словари полного типа. В предисловии к своему словарю М. О. Онышкевич отмечает, что лексика отбиралась сравнительно с литературным языком, но слов, тождественных в бойковских говорах и украинском литературном языке, очень мало, поэтому словарь бойковского диалекта приближается к словарям полного типа. Резьянский словарь построен по принципу полного охвата лексики, представленной в материалах диалектных записей И. А. Бодуэна де Куртенэ. Опубликовано лишь небольшая часть этих двух интересных словарей.

Украинскую диалектную лексику содержат словари северной Житомирщины и бойковского диалекта.

Словарь А. С. Лысенко включает довольно большой лексический материал (более 1500 словарных статей), специфически характеризующий территорию северной Житомирщины. Очень небольшие по объему словарные статьи объединяют слова-синонимы, их фонетические и морфологические варианты с указанием районов их распространения. Автор не называет словаря литературного языка, который положен в основу сравнения при отборе диалектной лексики. Если слова отбирались с учетом представленности их в словаре Б. Гринченко, то нельзя не обратить внимание на большое своеобразие лексики северной Житомирщины. По сравнению со словарем Гринченко здесь можно отметить много новых слов. Среди них такие, как *виш*, *вблох*, *веренйца*, *кбпоть*, *креж*, *купнийк*, *лётось*, *овин*, *оратый*, *парасля*, *пасьба*,